

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕОБХОДИМОЙ ЗРЕЛОСТИ СОЗНАТЕЛЬНО-ВОЛЕВОЙ СФЕРЫ ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА

РУСЛАН ВЕЛИЕВ¹

Резюме

В статье исследуются виды правовых презумпций, приводится аналитический обзор литературы, а также мнения ученых-цивилистов по исследуемой тематике. На основе проведенного теоретического анализа выработано определение понятия гражданской дееспособности физического лица как презумпции необходимой зрелости сознательно-волевой сферы физического лица. Констатируется что, при наличии юридических фактов, свидетельствующих о негативном влиянии на сознательно-волевою сферу физического лица, такая презумпция может быть опровергнута. Делается вывод что опровержением презумпции необходимой зрелости сознательно-волевой сферы физического лица является ограничение гражданской дееспособности физического лица, а юридическими фактами служат законодательно закрепленные основания ограничения дееспособности. Приведенное авторское определение позволяет уточнить юридическую сущность и особенности дееспособности физического лица и ее ограничения, имеющие теоретическое и практическое значение в юридической науке.

Ключевые слова: презумпция, опровержение презумпции, гражданское право, семейное право, объективное право, правосубъектность, правоспособность, дееспособность, ограничение дееспособности, сделкоспособность, деликтоспособность, социальная зрелость, сознательно-волевая сфера, разумность, добросовестное поведение, юридический факт, физическое лицо, опекун, попечитель.

I. Введение

В гражданско-правовой науке категория «дееспособность» является одной из базовых фундаментальных категорий, определяющих основы этой науки, пределы и правовые возможности лица как субъекта гражданско-правовых отношений. Соответственно, изменения в системе гражданских прав и обязанностей, пересмотр правового статуса лица как участника имущественных частноправовых отношений, необходимость защиты прав и интересов иных субъектов взаимодействий в этой сфере требуют в качестве теоретико-методологической основы уточнения сущности и содержания понятия дееспособности вообще, выявления ее содержания применительно к физическим лицам в частности, а также разработки на этой основе теоретических и прикладных аспектов ограничения дееспособности, ее оснований и последствий с учетом современных социально-экономических реалий.

Гражданская дееспособность физического лица предполагает наличие необходимой степени зрелости волевого и разумного распоряжения участником гражданских правоотношений правами, составляющими содержание правоспособности в системе гражданско-правовых отношений.

В статье рассматривается презумпция наличия необходимой степени зрелости свободного волевого и разумного распоряжения физическим лицом — участником гражданских правоотношений всеми правами (или их частью), составляющими содержание правоспособности лица в системе гражданско-правовых отношений.

II. Основная часть

Презумпция (praesumptio) в переводе от латинского означает предположение [10, с. 5]. Такое предположение считается истинным до тех пор, пока его не опровергнут.

¹ Адвокат, Коллегия адвокатов Азербайджанской Республики, Азербайджан / email: veliyev.r@gmail.com

Основа юридического предположения состоит в том, что на правоприменителя возлагается обязанность признать определенные факты установленными не окончательно, а до тех пор, пока не будет доказано обратное, т.е. обязанность предположить, что факты установлены [23, с. 33].

Правовые презумпции являются юридическими категориями, истоки которых находятся в древнем обществе. Римские юристы в совершенстве владели как методом восхождения от частного к общему (методом индуктивного обобщения, который во многом и лежит в основе правовых предположений / презумпций), так и методом восхождения от абстрактного к конкретному (методом дедуктивного рассуждения), позволяющим решать конкретные вопросы с применением некоторых общих правил. Римскому праву были известны три основные разновидности (категории) презумпций: «*praesumptionesjuristantum*» (законная опровержимая презумпция), «*praesumptionesjurisetdejure*» (законная неопровержимая презумпция) и «*praesumptionesfactiseuhominis*» (фактические (человеческие) презумпции) [20, с. 464–465].

Значимость правовой презумпции как самостоятельного явления и в настоящее время не вызывает никаких возражений. Презумпции довольно часто встречаются в разных отраслях права, например в гражданском праве: презумпция вины лица, нарушившего обязательство и презумпция вины причинителя вреда (причинитель вины считается виновным, пока не докажет обратное), презумпция разумности и добросовестности осуществления гражданских прав, презумпция добропорядочности физического лица, презумпция государственной собственности (всякое спорное бесхозное имущество предполагается государственной собственностью, пока не доказано обратное) [3, с. 77, 83], презумпция фактического принятия наследства [16, с.198]. В семейном праве – презумпция места проживания несовершеннолетнего ребенка в возрасте до 10 лет при разводе супругов, презумпция отцовства ребенка, родившего после развода (отцом ребенка, родившегося в течение 300 дней после расторжения брака, считается бывший супруг матери, если не доказано иное) [18, с. 36], презумпция общности имущества, нажитого во время брака, презумпция согласия при распоряжении общим имуществом объектом [6, с.104]. Международно-правовыми презумпциями считаются: презумпция суверенитета государства, презумпция ответственности государств и международных организаций, презумпция правосубъектности государств, презумпция международной безопасности и др. [1, с. 59].

Существуют и другие презумпции, как например, согласно презумпции времени смерти, если несколько человек погибли (например, во время автокатастрофы) и неясно, кто умер первым, то следует презюмировать наступление их смерти согласно возрасту: сначала старший, затем младший и т.д. Такой вид презумпции относится к категории неопровержимых, поскольку если можно было бы сказать, кто умер первым, то такая презумпция не возникла бы. Единственное, что необходимо доказать, как основной факт для возникновения указанной презумпции, – невозможность определить точный момент смерти каждого погибшего. А при одновременной смерти супругов муж считается умершим первым, жена считается умершей после него [11, с. 214].

Суммируя различные подходы к определению данного понятия, можно заключить следующее. Во-первых, презумпция – это предположение, которое одни авторы обуславливают нормативностью, т.е. закреплением в системе норм объективного права [14, с. 5], другие допускают и договор как источник такого предположения [5, с. 8], а третьи в число источников включают также нормы иных социальных регуляторов (морали, религии и др.) [17, с. 2]. Во-вторых, презумпцию в системе родовидовых категорий в одних случаях характеризуют как специальное технико-юридическое правило [5, с. 8], либо как основание классификации юридических фактов на законодательно-констатируемые и презюмируемые, т.е. признак самого юридического факта [7, р. 70], либо вообще как юридические факты или особые правовые явления, «представляющие юридические факты» [2, с. 72].

Таким образом, презумпция – это правило определения юридических фактов применительно к конкретным ситуациям, отличающимся фактической и юридической неопределенностью. Следовательно, презумпции не могут быть квалифицированы, ни как юридические факты, ни как феномен, их замещающий. Например, презумпция добросовестности и разумности участников

гражданских правоотношений [9, ст. 5.3], закрепленная гражданским законодательством, указывает на признаваемый юридический факт – добросовестное поведение, который может быть и опровергнут. Иными словами, приведенное правило определяет, какой юридический факт условно может быть принят, а не замещает этот факт как таковой.

Важнейшим признаком презумпций, в чем солидарны все ученые-цивилисты, является предположение о взаимосвязи и взаимообусловленности одного юридического факта (законодательно-констатируемого) с другим юридическим фактом (предполагаемым), полученное индуктивным путем на основе накопления эмпирических данных о причинно-следственных связях явлений действительности. Ценность и значимость презумпций как особого технико-юридического приема заключается в возможности разрешения типичной ситуации, характеризующейся высокой степенью неопределенности, обязывая участников правооборота признать презюмируемый факт в качестве доказанного [11, с. 216].

Если с учетом изложенного обратиться к рассмотрению дееспособности, то поскольку это правовое явление связано с построением конструкции субъекта права, соответственно в ней «в чистом виде» заключены такие характеристики человека, как способность к свободному формированию воли, ее выражение вовне в определенных действиях и (или) бездействиях, а также возможность разумной оценки своих действий и своих потребностей как в системе правовых требований, так и в социально-культурном контексте.

Общепринято, что для самостоятельного участия в гражданских правоотношениях человек должен понимать значение своих действий, осознавать их (интеллектуальный критерий), руководить ими (волевой критерий), нести самостоятельную ответственность (быть деликтоспособным) [12, с. 5–6].

Несколько более развернутая характеристика презумпций, неявным образом стоящих за понятием дееспособности, предложена В. А. Витушко, который в связи с этим указал на такие человеческие качества, как способность понимать значение своих действий, соблюдая добросовестность и разумность их совершения; способность разумно руководить (управлять) своими действиями, включая планирование действий, самоконтроль за ними; способность разумно предвидеть последствия своих действий; способность разумно предупреждать их возможные негативные последствия [28, с. 89]. Данное утверждение достаточно точно отражает необходимые качества лица как субъекта гражданских правоотношений, но для краткости эти качества можно свести к двум основным: интеллектуальному и волевому. Следует также учесть замечание В. А. Белова, что в качестве критериев дееспособности необходимо рассматривать в том числе и социальный, обозначаемый указанным автором как «социальная зрелость человека» [4, с. 55]. Относительно последнего стоит указать, что в социальной психологии названное понятие рассматривается в двух аспектах: как возрастной этап и как уровень развития [29, с. 12]. Во втором случае речь идет об интеллектуальной, эмоциональной и личностной зрелости, причем во всех случаях степень развития указанных компонентов оценивается через призму ответственности индивида перед близкими, социумом и т.д.

С этой точки зрения в рамках предложенной концепции можно с определенной степенью условности оценивать процесс формирования правосубъектности через призму сознательно-волевого критерия, предполагающего комплексное единство в понятии социальной зрелости, не исключая, однако, возможности обращения в отдельных случаях к категории социальной ответственности с учетом ценностной шкалы отдельно взятого социума. Последнее может быть реализовано через систему правовых норм, предусматривающих определенные ограничения в реализации некоторых прав для защиты общего интереса. В качестве примера можно указать на ограничения дееспособности лиц, злоупотребляющих спиртными напитками, которое вводится для защиты имущественных интересов семьи данного лица [9, ст. 32.1]. В отсутствие практической возможности оценить все эти способности и социально-психологические качества применительно к каждому конкретному физическому лицу на основе накопленного социального опыта законодатель закрепляет в норме права предположение о том, что физическое лицо, достигшее совершеннолетия, обладает характеристиками, необходимыми для

участия в гражданских правоотношениях лично и без посредничества третьих лиц. Таким образом устанавливается вероятная связь между законодательно-констатированным фактом – достижением определенного возраста, и предположением – определенной социальной зрелостью субъекта, позволяющей ему разумно на основе собственной воли осуществлять правовое поведение в имущественной сфере.

При этом следует признать абсолютную правоту Н. С. Караниной, которая подчеркивала, что за пределами объективного права презумпция не существует, она «теряет свои регулятивные функции, ибо процесс формирования презумпции всегда протекает как процесс... обобщения жизненного опыта» [11, с. 216] и выражение результата этого обобщения в соответствующей правовой норме. Иными словами, если отдельно взятый индивид по достижении возраста совершеннолетия может отличаться высокой степенью неразвитостью и по разным причинам осуществлять неразумное поведение или в актах формирования и выражения воли быть абсолютно зависимым от третьих лиц, то никакого влияния на состояние дееспособности это не окажет. Верно и обратное: физическая возможность совершать юридически значимые действия не обязательно влечет для физического лица правовые последствия. Подтверждением тому служит, например, институт ничтожности сделок, совершенных недееспособным лицом [9, ст. 344.1]. В основании фактического состава сделки в этом случае отсутствует такой юридический факт, как достижение установленного возраста, а следовательно, субъект правоотношения является в определенном смысле ущербным, законодатель отказывает ему в наличии возможности разумного и волевого поведения, что может повлечь дестабилизацию всего гражданского оборота, даже если в данном случае конкретный индивид в действительности обладает требуемыми качествами. Однако, как уже отмечалось, эффективность правового регулирования требует не только учета типичных социальных форм и отношений, но и определенной степени индивидуализации. Учет отклонений от типичных форм поведения участников общественных отношений, а также специфика самих отношений, обусловленных правовым режимом их объектов, целей и т.д., осуществляется посредством установления количественных характеристик презюмируемых фактов, а также возможностью опровержения презумпции.

Применительно к дееспособности количественные характеристики, используемые для индивидуализации правового регулирования, принимают вид объема дееспособности. В этом случае прослеживается логико-методологическая связь между категориями правоспособности и дееспособности. В правоспособности законодатель устанавливает все доступные на данном историко-правовом этапе формы правового поведения субъекта, меру его свободы в имущественном обороте – субъективные права, а в содержании категории дееспособности закрепляет презумпцию, связывающую конкретные субъективные права с определенным законодательно-констатированными фактами: в современной законодательной практике – возрастом и вступлением в брак.

Возрастной критерий используется при установлении градации объема доступных к реализации субъективных прав из общей совокупности, зафиксированной в содержании правоспособности. В связи с этим представляется не вполне корректным вывод отдельных авторов об производности дееспособности от правоспособности [21, с. 58]. Дееспособность не производна от правоспособности, а является специальным механизмом ее реализации персонифицированным субъектом права, т.е. это правовая презумпция, позволяющая перейти в механизме правового регулирования от абстрактного набора правовых возможностей к конкретной форме их реализации физическим лицом в отдельных правоотношениях. В целом данное суждение согласуется с общетеоретическими законами, в частности законом восхождения от абстрактного к конкретному, в котором воплощаются не только гносеологические закономерности, но и становление категориального аппарата любой надстроечной сферы.

Вместе с тем дееспособность и правоспособность взаимосвязаны и взаимообусловлены, между ними существует диалектическое взаимодействие. Так, ограничение правоспособности приведет к уменьшению презюмируемых правовых возможностей соответствующего лица и,

наоборот, опровержение презумпции сознательного (разумного) или волевого компонента дееспособности повлечет невозможность реализации части правовых возможностей, заключенных в правоспособности. Представляется, что именно это лежит в основе объединения двух рассматриваемых категорий в единое понятие «правосубъектности».

Изучение дееспособности как специфического правового явления невозможно без раскрытия ее внутренней структуры, поскольку любые ограничения, как правило, должны носить конкретный характер, то пределы этих ограничений следует устанавливать относительно отдельных элементов содержания дееспособности. В цивилистической литературе сформировано две основные позиции по данной проблеме. Одни ученые ограничивают состав дееспособности сделкоспособностью, т.е. способностью самостоятельного заключения сделок [27, с. 126], другие дополняют его способностью нести ответственность за свои действия (деликтоспособностью) [19, с. 11]. Отдельно выделяется позиция Л. Г. Кузнецовой, которая предлагала в составе дееспособности выделять способность приобретать права и возлагать на себя обязанности, способность осуществлять своими действиями права и обязанности, принадлежащие другому лицу, а также способность своими действиями прекращать имеющиеся у данного лица права и обязанности [15, с. 80]. Вопрос о содержании дееспособности и характеристике ее составляющих элементов носит не только теоретический, но и практический смысл. В частности, применительно к теме настоящей диссертации необходимо уточнить, с признанием каких именно юридических факторов связана презумпция дееспособности.

Буквальное толкование ст. 28 ГК Азербайджанской Республики дает основания заключить, что законодатель с определенным уровнем сознательно-волевой деятельности индивида связывает возможность приобретать, осуществлять права и обязанности, но права и обязанности возникают, изменяются и прекращаются, во-первых, в результате совершения гражданско-правовых сделок [9, ст. 324], во-вторых, в результате иных действий, имеющих юридическое значение. В качестве примера последних можно указать вступление в юридическое лицо, основанное на членстве. Следовательно, в состав дееспособности включается сделкоспособность и способность осуществлять иные юридически значимые действия. Сходная точка зрения была выражена А. Е. Тарасовой, которая, наряду с иными элементами, обратила внимание на юридические действия в составе дееспособности [24, ст. 74]. Анализ иных гражданско-правовых норм позволяет утверждать, что содержание рассматриваемой категории несколько шире. Можно согласиться с аргументами сторонников включения в состав дееспособности деликтоспособности [22]. Действительно, участие в гражданских правоотношениях предполагает как договорную ответственность, т.е. возложение специфических обязанностей, связанных с нарушением условий сделок (что прямо вытекает из категории сделкоспособности), так и внедоговорную – как возможный результат совершения юридически значимых действий. Кроме того, в ГК Республики Беларусь содержится прямое указание на деликтоспособность в связи с определением объема дееспособности. Так, в ст. 30 ГК Азербайджанской Республики установлено, что несовершеннолетние самостоятельно несут имущественную ответственность по совершенным ими сделкам в пределах их дееспособности, а в ст. 1104 того же Кодекса определено, что эти лица самостоятельно на общих основаниях несут ответственность за причиненный вред (внедоговорная ответственность) [9]. Таким образом, законодатель, не указывая в качестве общего правила, подчиняет способность нести гражданско-правовую ответственность установленным возрастным градациям, что можно считать косвенным подтверждением легальности деликтоспособности как элемента дееспособности.

Следует также обратить внимание и на такой аспект участия субъектов в гражданском обороте, как вступление в гражданские правоотношения от чужого имени. Такую ситуацию нельзя свести к закрепленной в ст. 28 ГК Азербайджанской Республики возможности «иметь права и возлагать на себя обязанности», поскольку результатом действий данного лица является приобретение и реализация прав третьих лиц, а также исполнение обязанностей, возложенных на третьих лиц. Системное толкование положений статей 30, 362 и 365 ГК Азербайджанской Республики приводит к выводу, что законодатель учитывает различие в

правовых режимах действий субъекта от собственного имени и в интересах, и от имени третьих лиц [9]. Возложение исполнения обязательства на третье лицо позволяет собой самостоятельную правовую конструкцию в системе обязательственного права, для реализации которой необходимо соглашение между должником и третьим лицом (единственный признак, присущий одновременно и переводу долга – одному из вариантов перемены лиц в обязательстве) [26]. Если ограничение дееспособности влечет прекращение доверенности, которая является основанием для действия от имени третьего лица, значит, для реализации функций представительства необходимо обладать полной дееспособностью. В этой связи следует обратить внимание на содержащуюся в ГК России специальную оговорку, что в качестве опекуна или попечителя (т.е. лица, действующего в чужих интересах) может выступать только совершеннолетнее дееспособное физическое лицо [8, ст. 35]. Однако действия от чужого имени не охватываются институтом опеки и попечительства. Сходная правовая конструкция используется и в рамках представительства, к похожей ситуации можно отнести деятельность уполномоченных в потребительских кооперативах, а также действия единоличного органа управления в юридическом лице.

Таким образом, презумпция необходимой степени зрелости сознательно-волевой сферы физического лица устанавливается как общее правило, которое конкретизируется применительно к юридическим актам, пользующимся специальными правовыми режимами, что в вербальном закреплении через правовые нормы представляется как «объем общей и специальной дееспособности». По сути, определяя дееспособность несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет, законодатель предполагает, что эти лица уже обладают достаточной степенью зрелости сознательно-волевой сферы, чтобы, например, распоряжаться собственным доходом, но недостаточной для совершения сделок от чужого имени [9, ст. 30]. Дифференциация правовых возможностей физических лиц в законодательстве позволила ученым утверждать о динамическом характере дееспособности. Так, по мнению А. Г. Потюкова, «диалектический метод требует, чтобы... явления рассматривались с точки зрения их движения, саморазвития, поэтому сущность дееспособности может быть раскрыта лишь при рассмотрении ее в движении» [19, с. 12]. Результатом такого подхода явилось разграничение состояний дееспособности на полную, частичную (ограниченную) и недееспособность, а в рамках частичной – выделяют дееспособность малолетних и дееспособность несовершеннолетних от 14 до 18 лет [4, с. 55–60]. Однако дееспособность – не свойство самой личности, с чем согласны и авторы, разрабатывающие концепцию ее динамики, а явление объективного права. Поэтому, когда говорят об ограниченной, полной и иной дееспособности речь идет о презумпции возможности разумно совершать определенные действия юридического характера.

Целесообразно указать, что дееспособность можно рассматривать как систему презумпций, поскольку она включает в себя как опровержимые, так и неопровержимые презумпции. Например, никакими юридическими фактами нельзя опровергнуть «неразумность», т.е. отсутствие необходимых социально-психологических характеристик для участия в гражданско-правовых отношениях у лиц, не достигших 14 лет. Однако в данной диссертационной работе дееспособность рассматривается как опровергаемая презумпция, а ограничение дееспособности – как опровержение такой презумпции.

Следует добавить, что в силу прямого указания закона презумпция необходимой степени зрелости сознательно-волевой сферы физического лица добросовестно и разумно участвовать в гражданско-правовых отношениях опровергается фактами, негативно влияющими и причиняющими вред сознательно-волевой сфере личности, что может выражаться в неразумных действиях, приводящих к тяжелому материальному положению его семьи или его самого. Согласно законодательству, такими фактами являются факт злоупотребления спиртными напитками, наркотическими средствами, психотропными веществами, их аналогами, факт наличия психического заболевания или расстройства. В юридической литературе отмечается, что опровержимость правовой презумпции связана с конкретной

единичной ситуацией, которая не охватывается содержанием правовой презумпции, а значит, ее применение не допустимо в данной ситуации, т.е. происходит ее опровержение [25, с. 114].

Таким образом, дееспособность следует рассматривать как правовую основу формирования одобряемого обществом и государством поведения лица в системе урегулированных правом отношений путем нормативного закрепления презумпции необходимой степени зрелости сознательно-волевой сферы физического лица для волевого и разумного поведения. Иными словами, дееспособность – это правовая форма действий индивида как субъекта права, или, по выражению О. А. Красавчикова, «...юридические качества лица» [13, с. 9]. При этом вряд ли допустимо переносить презумпции, применяемые в сфере одной отрасли права (например, гражданского), на регулирование отношений иной предметно-отраслевой принадлежности.

Предполагая о наличии у лица способности разумно действовать в сфере имущественных отношений (совершать сделки, участвовать в юридических лицах), вряд ли можно одновременно считать, что такое лицо сможет в этом возрасте принимать политически-значимые решения от лица государства. Следовательно, конституционно-правовая дееспособность, не может быть сведена к гражданско-правовой дееспособности. Из данного суждения следует вывод, что ограничения публично-правовой или иной отраслевой дееспособности не могут автоматически переноситься в область гражданских правоотношений. Если в отношении лица, например, установлен запрет на занятие определенных должностей, это не означает умаления его гражданско-правовой дееспособности, поскольку для ее ограничения необходимо отдельное решение, принятое в установленном законом порядке.

III. Заключение

Таким образом, гражданская правовая дееспособность физического лица представляет собой правовую презумпцию необходимой степени зрелости сознательно-волевой сферы физического лица относительно возможности свободного волевого и разумного осуществления им всех или части из совокупности прав, составляющих содержание правоспособности лица в системе гражданского-правовых отношений, которые могут быть опровергнуты при наличии юридических фактов, свидетельствующих о негативном влиянии на сознательно-волевою сферу физического лица. Опровержением презумпции необходимой зрелости сознательно-волевой сферы физического лица является ограничение гражданской дееспособности физического лица, а юридическими фактами служат закрепленные в гражданском законодательстве основания ограничения гражданской дееспособности физического лица.

REFERENCES (ЛИТЕРАТУРА):

1. Aleksandrova N.V. The integrative role of international legal presumptions. “Legal technology”, N 4, 2010. P. 57–60 (in Russian).
2. Babayev V.K. Presumptions in Soviet law. Gorkiy, Publishing House of Gorkiy High School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1974, 124 p. (in Russian).
3. Baktirova T.V. Theoretical and methodological foundations of the study of the presumption of guilt in civil law. “Legal technology”, N 4, 2010. P. 71–86 (in Russian).
4. Belov V.A. Civil law: general and special part. Moscow, Publishing House “ЦентрЮрИнфоР”, 2003, 960 p. (in Russian).
5. Bronnikova M.N. Civil law presumption under Russian legislation: content, legal forms and application of law. Kazan, Publishing House of Kazan State University named after V. I. Ulyanov-Lenin, 2006, 25 p. (in Russian).
6. Bryukhina E.R. Legal fictions and presumptions in family law. “Law and Practice” Publishing House, 2015, P. 102-107 (in Russian).

7. Bulayevskiy B.A. On the concept of presumptions in law. "Journal of Russian Law". 2010, P. 63-72. (in Russian).
8. Civil Code of the Russian Federation (part 1). 1994.
9. Civil Code of the Azerbaijan Republic. 2000.
10. Efremova T.S. Modern explanatory dictionary of the Russian language. URL: https://www.efremova.info/word/a_takzhe.html#.W5Ovu6C3qUk. last access: 15.08.2024.
11. Karanina N.S. The essence of legal presumption: definition of the concept of "presumption" in modern legal theory and modern Russian legislation; signs of legal presumption. "Legal technology", N 4, 2010. P. 213–220 (in Russian).
12. Kirichenko O.V. Limitation of a citizen's legal capacity due to mental disorder. "Modern law", N 2, 2014. P. 93-98 (in Russian).
13. Krasavchikov O.A. Civil legal personality as a legal form. Publishing House of Ural University, V 62, 1978. P. 8-20 (in Russian).
14. Kusznetsova O.A. Presumptions in Russian civil law. Publishing House of Ural state Law Academy, 2002. 23 p. (in Russian).
15. Kusznetsova L.G. Development of the institution of legal capacity of citizens in the new civil legislation. "Jurisprudence", N 4, 1965. P. 72-80. (in Russian).
16. Khodireva E.A. Methods of refuting the presumption of actual acceptance of inheritance. Publishing House Udmurt university. V.24, 2024, P. 197-201
17. Matveyeva N.S. Legal presumptions in civil law. "Electronic scientific and methodological journal", N 5, 2018. URL: <http://e-journal.omgau.ru/images/issues/2018/S05/00546.pdf>.- ISSN 2413-4066. last access: 20.08.2024.
18. Nikitashina N.A. Classification of presumptions in family law. "Lex Russica", N 3, 2018. P. 34-51. (in Russian).
19. Potyukov A.G. Legal capacity and legal competence of citizens under Soviet civil law. Publishing House of Leningrad Law Institute named after M.I. Kalinin, 1954. 21 p. (in Russian).
20. Pridvorov N.A. Presumptions in Roman and Modern Law: Historical and theoretical aspect. "Legal technology", N 4, 2010. P. 463–469. (in Russian).
21. Repnikova Y.B. Some aspects of the relationship between legal capacity and legal capacity of individuals. "Legal technology", N 4, 2010. P. 28–34. (in Russian).
22. Ruzanova E.B. Delictual capacity of a citizen as an element of civil legal capacity: psychological prerequisites and legal content of concepts. News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, N 2, 2008. P. 173–177. (in Russian).
23. Sapun B.A. SLegal presumptions as legal means of securing social claims in law. "Legal technology", N 4, 2010. P. 28–34. (in Russian).
24. Tarasova A.E. Peculiarities of participation of minors in civil legal relations. Publishing House North caucasus Academy of state service, 2005. 27 p. (in Russian).
25. Tarasenko V.V. PecProblematic aspects of rebuttable and irrebuttable presumptions in law. Materials of International scientific conference, Publishing House "Буки-Веди", 2014, P. 111-115. (in Russian).
26. Vabishevich S.S. Theoretical and practical aspects of the fulfillment of obligations by a third party. Yekaterinburg. Electronic supplement to the Russian law journal. N 2, 2010, P. 32-36. (in Russian).
27. Vebers Y.R. Legal personality of citizens in Soviet civil and family law. Publishing House "Зинатне", 1976, 231 p. (in Russian).
28. Vitushko V.A. Legal personality of citizens in Soviet civil and family law. "Belarusian science", V.1, 2007. 566 p. (in Russian).
29. Voyushina E.A. Approaches to defining criteria of personality maturity. Materials of International scientific conference, Publishing House "Innovation", 2017. P. 11-14. URL: <https://moluch.ru/conf/psy/archive/237/11844/> (last access: 21.04.2024).

FİZİKİ ŞƏXSİN ŞÜURİ-İRADƏ SFERASININ ZƏRURİ YETİŞKƏNLIYİNİN PREZUMPSİYASI

RUSLAN VƏLIYEV¹

Annotasiya

Məqalədə hüquqi prezumpsiyaların növləri araşdırılır, ədəbiyyatın analitik icmalı, habelə tədqiq olunan mövzu ilə bağlı sivilist-alimlərin fikirləri verilir. Aparılan nəzəri təhlil əsasında fərdin şüurlu-könüllü sferasının zəruri yetkinliyinin prezumpsiyası kimi fiziki şəxsin fəaliyyət qabiliyyəti anlayışının tərfi işlənilib hazırlanmışdır. Bildirilir ki, fiziki şəxsin şüurlu-könüllü sferasına mənfi təsir göstərən hüquqi faktlar olduqda belə bir prezumpsiya təkzib edilə bilər. Belə nəticəyə gəlinir ki, fiziki şəxsin şüurlu-könüllü sferasının zəruri yetişkənliyi prezumpsiyasının təkzibi fiziki şəxsin mülki fəaliyyət qabiliyyətinin məhdudlaşdırılması, hüquqi faktlar isə fəaliyyət qabiliyyətinin məhdudlaşdırılması üçün qanunla müəyyən edilmiş əsasları təşkil edir. Təqdim edilmiş müəllif tərfi fiziki şəxsin fəaliyyət qabiliyyətinin və onun məhdudlaşdırılmasının hüquq elmində nəzəri və praktiki əhəmiyyət kəsb edən hüquqi mahiyyətini və xüsusiyyətlərini aydınlaşdırmağa imkan verir.

Açar sözlər: prezumpsiya, prezumpsiyanın təkzibi, mülki hüquq, ailə hüququ, obyektiv hüquq, hüquq subyektliyi, hüquq qabiliyyəti, fəaliyyət qabiliyyəti, fəaliyyət qabiliyyətinin məhdudlaşdırılması, əqd fəaliyyəti, öhdəlik fəaliyyəti, sosial yetişkənlik, şüuri-iradə sferası, ağılabatanlıq, vicdanlı davranış, hüquqi fakt, fiziki şəxs, qəyyum, himayəçi.

PRESUMPTION OF THE NECESSARY MATURITY OF THE CONSCIOUS-VOLUME SPHERE OF THE PERSON

RUSLAN VELIYEV²

Abstract

The article examines the types of legal presumptions, provides an analytical review of the literature, as well as the opinions of civil scientists on the topic under study. Based on the theoretical analysis, a definition of the concept of civil capacity of an individual as a presumption of the necessary maturity of the conscious-volitional sphere of an individual has been developed. It is stated that, in the presence of legal facts indicating a negative impact on the conscious-volitional sphere of an individual, such a presumption can be refuted. It is concluded that the refutation of the presumption of the necessary maturity of the conscious-volitional sphere of an individual is the restriction of the civil capacity of an individual, and the legal facts are the statutory grounds for limiting the capacity. The given author's definition allows us to clarify the legal essence and features of the legal capacity of an individual and its limitations, which have theoretical and practical significance in legal science.

Keywords: presumption, refutation of presumption, civil law, family law, objective law, legal personality, legal capacity, legal capacity, limitation of legal capacity, legal capacity, legal capacity to commit a delict, social maturity, conscious-volitional sphere, reasonableness, conscientious behavior, legal fact, individual, guardian, trustee.

Məqalənin redaksiyaya daxil olma tarixi: 27.05.2024
Çapa qəbul tarixi: 25.09.2024

¹ Vəkil, Azərbaycan Respublikası Vəkillər Kollegiyası, Azərbaycan / email: veliyev.r@gmail.com.

² Lawyer, The Bar Association of Azerbaijan Republic, Azerbaijan / email: veliyev.r@gmail.com.